

В. В. АЛЕКСЕЕВ

Трансформация Российской цивилизации в XX веке

Куда ж нам плыть?

А.С. Пушкин

Одним из ключевых вопросов современной геополитики является проблема «столкновения цивилизаций», которая вызвала волну, скорее даже цунами новейших публикаций по цивилизационной тематике. Они столь же масштабны, сколь и противоречивы. Само понятие «цивилизация» менялось много раз. Несмотря на различия в нюансах этих определений, в них необходимо акцентировать внимание на следующих доминантах: совокупности людей, обладающих определенным этническим генотипом, освоивших значительное пространство на основе специфических технологий, культурных, религиозных, ментальных ценностей, в их неповторимом сочетании и сохраняющих это пространство под своей юрисдикцией длительное время (как правило, не менее 1000 лет).

1. Сущность Российской цивилизации.

Своеобразие России, сложный характер ее исторического процесса обусловили широкий разброс мнений по вопросу о ее цивилизационном статусе и векторе развития. Споры об исторических судьбах и цивилизационной специфике страны не стихают

до сих пор. Ответы на последний вопрос можно свести к следующим позициям: Россия — Запад; Россия — Восток; Россия — гибрид Запада и Востока; Россия — уникальная цивилизация, отличная от Запада и Востока (Евразия); Россия — не самостоятельная цивилизация, а неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация). Между тем, классики цивилизационной теории Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, С. Хантингтон относили Россию к самостоятельному цивилизационному феномену, но в историческом плане он недостаточно изучен.

Некоторые современные авторы вслед за Н.Н. Бердяевым пытаются разделить единую цивилизацию на несколько субцивилизаций: киевскую, «ордынскую», московскую, петербургскую, советскую и постсоветскую. Такой подход требует уточнения. Во-первых, Бердяев в данном контексте не употреблял слова «субцивилизация». В книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он писал: «В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода...»¹ и т.д., то есть, речь идет об определенных периодах одной и той же цивилизации, а не о субцивилизациях. Во-вторых, если признавать существование самостоятельной Российской цивилизации, то как можно разделить между так называемыми субцивилизациями единое географическое, геополитическое, этническое, культурное и ментальное пространство?

Эта цивилизация заняла вмещающее пространство Северной Евразии и нередко именуется «Евразийской», а иногда православно-славянской, но, так или иначе, идентифицируется с одной из крупнейших стран мира – Россией. Сегодня на ее территории в границах начала XX в. разместилось более 20 самостоятельных государств, что свидетельствует о масштабах цивили-

зации. Она одна из поздних и самая северная в мире локальная цивилизация, славяно – тюрко – угро-финский синтез. Ее ядро начало складываться в Восточной Европе на основе восточной ветви христианства, заимствованной в X в. во времена Киевской Руси из Византии. Будучи включенной благодаря христианству в общеевропейский культурный процесс, эта цивилизация уже в период своего становления соединила достижения восточных и западных миров, что облегчало в дальнейшем взаимодействие с носителями западной и восточной культур. После падения Византии Московское царство, а затем и вся Россия считали себя наследниками и хранителями Святой православной веры. Следовательно, в основе Российской цивилизации лежало восточное, византийско-православное крыло христианства, тогда как в Атлантической – западное, римско-католическое. Отсюда общности и различия этих цивилизаций, чем объясняется затруднительность их разграничения. Тем более, славянская возникла на 500 лет позднее Западной, что предопределило отставание в стадиях развития.

Российская цивилизация изначально отличалась от Западной (Атлантической) тем, что первая вышла из Восточной Римской империи, вторая – из Западной. Первая исповедовала православие с его всеединством, общинностью, приверженностью к традиционному обществу. Вторая – католицизм, протестантизм, индивидуализм, освещенный Реформацией. Первая, как более близкая к раннему христианству породила коммунизм и Советы, вторая – капитализм, модернизм и социал-демократию. Эти две цивилизации постоянно находились в противостоянии и конкурентной борьбе, хотя и дополняли друг друга разными инновациями.

По мнению некоторых исследователей, Российская цивилизация не только переняла византийскую веру и культуру, но

и тоталитарный режим. При этом забывается, что между принятием христианства и формированием самодержавной власти пролегал более чем трехсотлетний период феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига, далекие от византийской государственности. Накануне татаро-монгольского нашествия число русских княжеств увеличилось с 15 до 50, признававших центральную власть в основном формально, что привело к неспособности противостоять агрессии с Востока. Во время борьбы с Золотой Ордой и наследниками ее могущества, «собирая земель русских» крепла идея централизации, а в условиях огромной страны в то время трудно было иметь иную форму территориальной организации кроме унитарной. Поэтому на определенном этапе развития цивилизации унитаризм в соединении с самодержавием был предпочтительной формой управления, обеспечивающей сохранение государства².

В ходе развития Российской цивилизации, несмотря на изменение исторических условий и политических режимов, сформировались фундаментальные особенности разных сторон жизнедеятельности ее населения, своеобразные еще не изученные коды, к которым мы относим:

- гигантские размеры территории;
- географическая и климатическая специфика, тяготеющая к Северу;
- трудные условия воспроизводства человеческого существования;
- изначально земледельческий характер экономики;
- незащищенность естественными рубежами от посягательств извне;
- продолжительное отсутствие выхода к морю;

- стабильность и длительность существования;
- самобытность, оригинальность культуры и традиций;
- полиэтничность и многоконфессиональность, их толерантность;
- православная вера как консолидирующая основа цивилизации;
- политическая самостоятельность и сильная верховная власть, державность;
- своеобразие форм государственного, социального, городского устройства;
- общинность, всеединство, миссионизм, идеи социальной справедливости, нестяжательства;
- экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм;
- мобилизационный тип развития.

Эти коды претерпели некоторые изменения в веках, но в основе своей сохранялись в XX столетии.

2. Имперское развитие

Не имея возможности в кратком тексте охарактеризовать все эти признаки, попытаемся проследить частичные изменения на пути к XX в. для того, чтобы легче понять их кардинальную трансформацию в переломном для России столетии. Потребность в изменениях отчетливо проявилась к концу XVII в., но их активное осуществление развернулось в начале XVIII в. и произошло под скипетром Петра Великого. Он раздвинул границы цивилизации, обеспечил ее выход к морю, что привело к потоку

европейских инноваций и началу модернизации – переходу от традиционного аграрного к индустриальному обществу, заметно изменило облик Московского царства, которое приобрело имперский статус. Со смертью Петра I инновационная активность заметно снизилась, что затормозило модернизацию.

После отмены крепостного права в 1861 г. и буржуазных реформ 60–70-х гг., которые сняли крупные препятствия на пути модернизации России, ее индустриальный прогресс ускорился. В 1870–1913 гг. промышленное производство возрастало в среднем на 5% в год быстрее других стран Европы³. Тогда же на просторах великой империи активизировалось развитие капитализма, порожденного Западной цивилизацией, что заметно корректировало ее цивилизационный уклад, однако данный процесс затруднялся невысоким уровнем совокупного прибавочного продукта, получаемого главным образом в сельском хозяйстве с рискованным земледелием во многих регионах, не говоря уже о гигантских транспортных затратах на огромной территории страны. Это препятствовало первоначальному капиталистическому накоплению для развития промышленности, чем в значительной степени объясняется отставание России от Западной Европы в переходе от традиционного аграрного к современному по тому времени индустриальному обществу. Стремясь преодолеть отставание, власть пыталась изъять у населения не только прибавочный, но и часть необходимого продукта, что вело к протестным настроениям, а в конце концов – к революции начала XX в., чего раньше, в отличие от западной цивилизации, не наблюдалось в Российской истории и явилось пусковым механизмом для ее кардинальной трансформации.

Конечно, были и другие причины, но в данном тексте необходимо коснуться еще хотя бы одной, тесно связанной с пред-

шествующей – разложением правящей элиты. В связи с включением страны в модернизационный процесс из Европы все больше и больше поступало инноваций не только финансового и технологического свойства, но и роскоши, которую в массовом количестве закупало дворянство, а для этого нужно было много денег, что вело к усилению эксплуатации крестьян, ухудшению их положения и нарастанию социального протеста. Ежегодные расходы на новомодные прихоти дворянства в 1793–1795 гг. составляли не менее 18 млн руб., что достигало более 35% доходов помещичьих хозяйств⁴. В дальнейшем эти расходы увеличились еще больше, приводя к крупным займам и неоплатным долгам помещиков, а те в свою очередь, увеличивали повинности крестьян, чтобы поднять доходы и выпутаться из долгов. В итоге модернизация вместо роста экономики и повышения ее эффективности вела к обострению противоречий в обществе.

Большую роль в жизни северной цивилизации играла крестьянская община, руководствуясь постулатом: «Земля – Божия, люди – царевы». Она сформировала соборную личность, ориентированную на совместную деятельность в трудных условиях существования по принципу «один за всех, все за одного», что обеспечивало выживание населения в ситуации рискованного земледелия и ничтожной механизации производственных процессов. Попытки уничтожить общину как препятствие развитию капитализма в деревне не увенчались успехом, а привели к росту протестных настроений на селе и возвращению в общину большей части крестьян после падения самодержавия в 1917 г. В дальнейшем общинная психология была использована большевиками в коллективизации сельского хозяйства и устройства многих сторон общественной жизни страны Советов.

Генетически Россия на протяжении многих веков формировалась из многочисленных земель и народов, занимая огромное пространство Северной Евразии. Одни входили добровольно, другие завоевывались, но, в конечном счете, они переплавились в единую цивилизацию. Ее наибольшее расширение произошло во время великих географических открытий, но, в отличие от западных государств, завоевавших колонии, Россия могла обеспечивать свою модернизацию только за счет богатых внутренних ресурсов своей внутренней территории.

Формы и методы этих сложных многовековых усилий были разнообразны. В кратком тексте их трудно проанализировать все, хотя часть из них не потеряла своей значимости до наших дней. Прежде всего, необходимо обратить внимание на дифференцированный подход к решению национальных проблем в центре и на задворках великой империи. К началу XX в. окраины России (Финляндия, Царство Польское, Кавказ, Туркестанский край, Уральская и Тургайская области, Сибирь и др.) имели систему управления на особых началах, отличных от тех, на основании которых было организовано управление в коренных русских губерниях.

В Сибири в первой половине XIX в. были учреждены генерал-губернаторства. Их руководители назначались царем и имели очень широкие полномочия, свидетельствующие о значительной децентрализации власти, но не в ущерб интересам государства. Оптимальной была ситуация, когда министр центрального правительства представлял интересы страны, а генерал-губернатор – интересы края.

В результате взвешенной национальной политики в России вплоть до начала XX в., в основном сохранялась стабильность, за исключением волнений в Польше и на Северном Кавказе. Даже

оппозиционно настроенные силы не поднимали региональные проблемы. Более того, один из радикальных противников самодержавия, декабрист П. Пестель, характеризуя будущее политическое устройство государства, писал: «Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но и совсем различными языками говорят... и потому ежели сию разнородность еще более усилить через федеральное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся⁵. Он отстаивал принцип деления империи на областной, а не национальной основе⁶.

Наряду с социально-экономическими трансформациями Российской цивилизации наблюдались политические и ментальные. На ранних этапах родилась идея: «Москва – Третий Рим». Затем долгие годы господствовал девиз «За веру, Царя и Отечество», который в первой трети XIX в. отлился в триаду: «Самодержавие, православие, народность». Имелось в виду, что именно эти составляющие обеспечивают благоденствие и могущество России, мир между сословиями и защиту от «тлетворных» революционных идей Запада.

Между тем, необходимость обеспечения безопасности страны, имперские амбиции требовали ускоренной индустриализации для создания надежной оборонной промышленности, но времени для накопления необходимых капиталов не было. Ограниченная платежеспособность населения слабо способствовала тому. К этому времени передовые страны Европы и США вошли в мировую индустриальную цивилизацию, а Россия в основе своей, несмотря на петровский импульс модернизации, оставалась традиционным обществом. В этом принципиальное отличие ее

истории и главная причина трагедий. Накопившиеся издержки российской имперской индустриализации, несовместимые с задачами подлинной модернизации, до крайности обострились в годы Первой мировой войны, когда борьба за ресурсы и рынки сбыта привела к переделу мира.

Великая держава поначалу стала добычей своих более успешных соперниц, а затем взорвалась изнутри очередной смутой. Если предшествующие смуты были обычным явлением традиционного общества, то эта носила межцивилизационный характер, что и продемонстрировали Первая мировая война, а также последующая за ней Российская революция, которая едва не переросла в мировую. С учетом развала Австро-Венгерской, Османской империй и других стран преимущественно аграрной ориентации можно говорить о столкновении доиндустриальной и индустриальной цивилизаций в начале XX в., а не в его конце, как это делает С. Хантингтон.

3. Советские трансформации

XX век характеризовался гигантскими мировыми трансформациями: геополитическими, научно-техническими, экологическими, социально-экономическими, культурологическими, ментальными и др., которые оказали огромное влияние на человечество. Во-первых, завершилось формирование мировой индустриальной цивилизации. Во-вторых, кардинально изменились локальные цивилизации. Главную роль в этом сыграла, как и ранее технологическая, на этот раз научно-техническая революция, которая в отличие от марксистского революционного локомотива истории оказалась главным двигателем прогресса со всеми его позитивами и негативами.

Являясь фактически цивилизационной революцией, она породила серию социально-политических революций в разных уголках планеты. К их числу относится Русская революция начала XX века, которая с нашей точки зрения оказалась перманентной, потому что сразу не смогла решить задач, стоявших перед ней. Ее курс на мировую пролетарскую революцию вскоре провалился, а построить социализм в одной отдельно взятой стране не удалось. Мировые войны и революции прошли гигантским катком по Российской цивилизации и поставили ее на грань выживания. И не только потому, что погибли миллионы людей, рушились экономика, культура, экология, весь уклад жизни, но и потому, что в это время на смену мировой земледельческой цивилизации пришла новая – индустриальная. Именно с этих позиций необходимо рассматривать трансформацию Российской цивилизации в XX в. Конечно, Русская революция начала XX в. и социалистический эксперимент в Советском Союзе оказали большое влияние на ход истории, но социализм в СССР не состоялся, а совершились модернизация – переход от традиционного аграрного общества к индустриальному со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако мир уже вступал в постиндустриальную эпоху. Попытки встроиться в него на пути либеральных реформ испытывают большие трудности. Поиск новой идентичности продолжается. Такая ситуация имела принципиальное значение для трансформации Российской цивилизации в XX веке.

Русская революция начала двадцатого столетия, Первая мировая и гражданская войны едва не привели к краху Российской цивилизации. От нее откололись Царство Польское, Великое княжество Финляндское, заявили о суверенитете многие регионы Кавказа, Средней Азии и Сибири. Цивилизация чуть не распалась

на ряд самостоятельных анклавов, которые могли стать добычей могущественных государств той эпохи. Погибла трехсотлетняя династия Романовых, а вместе с ней многовековая вертикаль власти и традиционная элита общества, которая была уничтожена в огне гражданской войны или эмигрировала за границу. Национализация индустриальной сферы и коллективизация сельского хозяйства, разрушили веками складывающиеся социальные отношения, нарушили право собственности и заинтересованность в производительном труде, что лихорадило развитие страны на протяжении всего XX в. Огромный урон понесли экономика и культура, благосостояние народа.

Для выхода из беспрецедентно тяжелого положения принимались противоречивые меры. С одной стороны, за счет демократизации политического режима, а с другой стороны путем его невиданного ужесточения. 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена Республикой, на местах создавались органы буржуазного Временного правительства, но это не спасло ситуацию. На смену либеральной демократии пришла большевистская диктатура, которая ценой огромных жертв восстановила управляемость державы и ее целостность, кардинально изменила экономический базис цивилизации, но это потребовало гигантских усилий и принесло неисчислимые бедствия народу, поскольку исходный уровень социально-экономического развития был очень низок.

3.1. Экономическая трансформация

Российская цивилизация вступила в XX в. с преимущественно аграрным характером экономики, 85% населения составляли крестьяне. В 1913 г. промышленность давала только 20% национального дохода, в то время как в Великобритании и Германии

на долю промышленности приходилось соответственно 43 и 44,7%. К 1914 г. лишь 14,6% населения Российской империи составляли горожане, только 22% были заняты вне аграрного сектора, тогда как в развитых странах Западной Европы удельный вес работающих вне сельского и лесного хозяйства превышал половину всего самодельного населения, а в Великобритании – 90%. Отставала Россия и по абсолютным объемам промышленного производства. По стали отставание от Германии составляло 4 раза, от Великобритании 1,8 раза⁷. К началу XX в. лишь 2% населения России (дворянство и духовенство) достигли почти полной грамотности. Остальные сословия по степени грамотности находились на уровне западно-европейских стран XVII в.⁸ В общей сложности ко времени Первой мировой войны Россия отставала от передовых стран Европы по основным показателям развития в среднем на 100 лет⁹. В этих условиях модернизация столкнулась с невероятными трудностями.

В чем их причины? Недостатка в объяснении нет, но не со всеми легко согласиться. Больше всего обвинений сыплется на царизм, который, безусловно, виноват, что априори понятно, поскольку он являлся главным атрибутом традиционного аграрного общества и защищал его интересы, проводил модернизацию не ради замены феодального строя, а ради его укрепления. Но почему ни Государственная Дума, ни Временное правительство после его падения даже не начали менять ситуацию? Видимо потому, что в стране не существовало достаточно мощной социально-политической силы, которая могла бы подтолкнуть к этому, не было крупного как на Западе актора модернизационного процесса.

Вступая в XX в., Российская цивилизация не только не располагала необходимой индустриальной базой, но и не имела

конкретной программы действий в этом направлении. Затянувшиеся споры западников и славянофилов вращались преимущественно вокруг общественно-политических и культурологических проблем, практически не касаясь технологических новаций. Продолжатели спора – народники, исповедовавшие теорию аграрного (крестьянского) социализма, не видели особых перспектив для крупной промышленности в России. Их противники – социал-демократы признавали значимость индустрии, но рассматривали ее прежде всего сквозь призму формирования рабочего класса и его классовой борьбы на пути к социализму. Официальная самодержавная власть не препятствовала развитию промышленности, но и не ставила ее в основу экономики. В итоге страна обрекалась на дальнейшее отставание от индустриальной цивилизации, что ставило под вопрос ее независимость.

После поражения в мировой войне, крушения в ходе революции и гражданской войны экономики страны перед новой властью встал вопрос: что делать дальше? Сложность его решения заключалась в том, что, с одной стороны, большевики уничтожили феодальные пережитки, тормозившие модернизационный переход, а, с другой, отвергли лежащий в основе индустриальной цивилизации капиталистический уклад. Ратуя за социализм, они не отдавали себе отчет в том, что отсталая страна к нему не готова, но и звать назад к капитализму тоже не могли. Поэтому был взят курс на мировую пролетарскую революцию, который вскоре провалился.

Тогда в их среде развернулись острейшие дискуссии о том, как из аграрной цивилизации сделать индустриальную и тем самым преодолеть ее отсталость, закрепить новый режим, защитить его от посягательств извне. В ходе идейных баталий и последующих репрессий погибли тысячи партийных лидеров

разного уровня и миллионы ни в чем не повинных беспартийных граждан. Победила линия на ускоренную модернизацию, которая при всех народных бедствиях отвечала насущным интересам государства и на три четверти века стала генеральной стратегией новой России. В отличие от капиталистической советская модернизация проводилась под знаменем социального равенства, светлого будущего, именуемого социализмом. На основе мобилизации всех материальных и духовных ресурсов нации, чрезвычайных мерах по достижению поставленных целей, не считаясь с тяжелейшими условиями существования народа, разорения деревни ради первоначального накопления капитала для индустриального развития, страна добилась впечатляющих успехов на пути достижения индустриальной цивилизации.

Главным результатом стал переход от традиционного аграрного к современному по тому времени индустриальному обществу. Уже к 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции СССР. Если в 1928 г. рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, то в 1939 г. – 50,2%¹⁰. Модернизация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Тогда как в 1926 г. в городах проживало 18% населения, то к 1938 г. горожанами стали 30%. За 1929–1940 гг. среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 36%. В 1960 г. произошло выравнивание численности городского и сельского населения. К концу века по сравнению с его началом доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%.

Все это свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного общества к индустриальной цивилизации. Такой прорыв необходимо оценить по до-

стоинству, поскольку он имел принципиальное, судьбоносное, историческое значение для страны в годы Второй мировой войны, когда фашистская Германия, опираясь на завоеванный потенциал чуть ли не всей Западной цивилизации, пыталась уничтожить Российскую цивилизацию, но она вышла победителем в этой самой кровопролитной войне в истории человечества. Более того, отвоевала ряд территорий, потерянных в Первой мировой войне, спасла от фашистского порабощения многие страны Европы и способствовала освобождению из-под колониального гнета народов Азии, что очень сильно укрепило ее международный авторитет.

В дальнейшем успехи индустриализации привели в тому, что после Второй мировой СССР стал одной из двух стран мира (наряду с США), способных производить любой вид промышленной продукции, доступной в данное время человечеству, не говоря уже об удовлетворении повседневных нужд экономики. Тем самым было преодолено стадийное отставание страны от передовых индустриально развитых держав мира. Земледельческий характер Российской цивилизации поменялся на индустриальный, сельский образ жизни – на городской. Россия встроилась в мировую индустриальную цивилизацию. В 1960 г. на ее долю приходилось 19,6% мирового промышленного производства¹¹. Это главный результат трансформации, свидетельствующий о вхождении России в современную мировую цивилизацию, а не выпадении из нее, как утверждали многие западные, да и отечественные политологи на рубеже XX–XXI вв. Будучи развитым индустриальным государством, СССР подходил к постиндустриальному рубежу. Важную роль в этом сыграло освоение окраин цивилизации, прежде всего восточных, создание там мощней-

ших металлургических, энергетических, химических комплексов мирового уровня, а также крупных научных центров.

Достижения модернизации, создание мощного военно-промышленного комплекса не только обеспечили победу в беспрецедентной по масштабам Второй мировой войне, но и позволили выдержать грандиозную гонку вооружений после ее окончания, сохранить национальную независимость. В середине 70-х гг. Российской цивилизации удалось достичь военного паритета с Атлантической. В 1978 г. у СССР имелось 25393 атомных заряда, а у США 24424¹², что в определенной степени перекрыло незащищенность естественных рубежей от посягательств извне, хотя при современных средствах доставки оружия массового поражения и не гарантировало полную безопасность. Геополитическое противостояние СССР и США, а фактически Варшавского блока и НАТО разные ученые и политики оценивают по-разному, но бесспорно то, что Россия смогла достигнуть в нем успехов только благодаря мощному модернизационному рывку второй половины XX в., который не только укрепил ее безопасность, но и усилил экономический, культурный и идеологический экспансионизм Российской цивилизации в Европе и Азии. С созданием социалистического лагеря, укреплением социально-экономической и военной мощи СССР превратился в супердержаву, фактически Третий Рим, существовал и четвертый – США.

При всей значимости большевистской модернизации необходимо учитывать, что она погубила русскую деревню – традиционный оплот национального жизнеустройства. В условиях советской власти она стала главным источником «первоначального накопления» для нужд индустриализации, а ее коллективизация создала постоянно действующий и надежный механизм перераспределения

средств из сельского хозяйства в промышленность. Его вклад в национальный доход достигал 50%¹³. Коллективизация и ликвидация кулачества как класса были подпроцессами советской модернизации на селе, проводимыми в форме настоящей революции, иначе нельзя назвать кардинальную смену форм собственности. Это дает основание утверждать, что Русская революция продолжалась и после формального завершения в начале 20-х гг. В результате разорения деревни была подорвана продовольственная безопасность страны, что девальвировало успехи индустриализации.

Апогей наступил в середине 80-х гг., когда закупка хлеба внутри страны составила лишь 50 млн т, тогда как его поставка из-за рубежа достигла 44 млн т.¹⁴ Государство вынуждено было тратить огромные валютные ресурсы на обеспечение продуктами питания городского населения. Дело дошло до того, что пришлось брать хлеб в кредит. В результате страна попала не только в должники, но и в заложники зарубежного капитала, что в конце концов привело к гибели Советского Союза. Конечно, здесь было много других причин, но эта стала одной из главных.

Со второй половины XX в. в индустриальной системе СССР начали нарастать трудности, диспропорции, снижение темпов роста и эффективности производства. Главные причины заключались в догматическом, недостаточно квалифицированном подходе к экономике, которая в развитых странах переходила на новые рельсы; сбоях в советской мобилизационной и плановой системе; сырьевой направленности экономики; неэффективном использовании НТР; неспособности превращения науки в непосредственную производительную силу; сохранении оставшихся пережитков традиционного общества; торможении механизма социокультурной мотивации труда; гонке вооружений, разоряю-

щей СССР; растрате огромных средств на поддержку ненадежных союзников. К тому же, с конца 60-х гг. стал нарастать кризис мировой индустриальной системы, не воспринимаемый в СССР, хотя растущее противоречие между индустриальным развитием и окружающей средой давало о себе знать и здесь, что фактически родило противостоящие друг другу мировые системы – капитализм и социализм. Если попытаться эти разнохарактерные процессы соотнести со стадиями развития индустриальной цивилизации, то получится, что к концу 70-х гг. на долю доиндустриального и раннеиндустриального труда в СССР приходилось 35%, развитого индустриального – 52%, научно-индустриального – 15%¹⁵. Следовательно, модернизация явно пробуксовывала. В итоге удельный вес России в мировом промышленном производстве, если учитывать провальные 90-е гг., уменьшился с 9,1% в 1900 г. до 4,4% в 2000 г.¹⁶ Глядя на эти цифры, испытываешь недоумение: где же теперь находится Россия – в доиндустриальной или уже в постиндустриальной цивилизации?

Не входя в апологетику индустриализма, не переоценивая и не недооценивая российскую модернизацию, приходится считаться с тем фактом, что она все-таки стала реальностью отечественной истории. Одни авторы видят в ней «имперскую модель», другие – «консервативную модель», третьи – «псевдомодернизацию», четвертые – «деархаизацию» и т.д. При всех этих экзотических наименованиях очевидно одно – Россия вступила в прошлое столетие традиционной, аграрной страной, а вышла из него индустриальной державой. Такой итог дался очень дорогой ценой и оставил много нерешенных проблем. А могло ли быть иначе? Видимо нет, учитывая природно-климатические и исторические условия. Вместе с тем, необходимо признать, что

Российская цивилизация внесла крупный вклад в мировую индустриальную культуру, наследие которой в наши дни тщательно охраняется в цивилизованных странах.

3.2. Социально-политические и ментальные трансформации.

Основную суть социально-политических и ментальных изменений Российской цивилизации в XX в. можно интерпретировать через трансформацию Русской идеи «всечеловечности, всепримиримости, всечеловечности», «грядущей возможности разрешения судеб человеческих» (по Ф. Достоевскому) в Красную идею пролетарского интернационализма, строительства социализма и коммунизма (по марксизму-ленинизму). Красная идея, с одной стороны, унаследовала миссионерский характер Русской идеи, а с другой стороны, категорически отвергала ее религиозное содержание.

В государственном плане осуществлялся переход от царского самодержавия к диктатуре пролетариата, а от нее к общенародному государству, с 90-х гг. – к правовому государству. В социально-политическом ракурсе движение шло от буржуазно-помещичьего строя Российской империи к мировой пролетарской революции, от нее поворот к «социализму в одной стране», а затем к форсированному строительству коммунизма, что вскоре было заменено «совершенствованием развитого социализма», а в конце века произошел отказ от социализма и переход к рыночным отношениям, фактически возврат к капитализму, который трудно приживается на русской почве. Эти крутые зигзаги не могли не сказаться на устойчивости Российской цивилизации и ее народе, которому при жизни двух-трех поколений пришлось пережить кардинальные ломки своего существования. Таких скоротечных трансформаций не наблюдалось ни в одной земной цивилизации.

Неудивительно, что в такой быстротечности событий ни одна из обозначенных фаз не была завершена, оставались многочисленные пережитки предшествующих этапов, в частности традиционного общества: отголоски общины не только в деревне, но и в городе, недостаточная квалификация работников производства, слабость политической культуры, советы как вечевая (сход) форма управления, культ отца Отечества, низкий уровень человеческих потребностей и их удовлетворения и др. К числу таких негативов придется также отнести огульный подход к новациям, неумелое их сочетание с национальными традициями, неуважительное отношение к вкладу предшествующих поколений, очернение их лидеров, без оглядки на те обстоятельства, в которых они принимали конкретные решения. Отсюда вывод о том, что не стоит, очертя голову, погонять загнанную лошадь российской истории то капиталистическим, то социалистическим, то либеральным хлыстом. Необходимо хотя бы минимальное время для созревания новых форм бытия и разумные переходные формы к нему.

Принято считать, что кардинальная трансформация Российской цивилизации в XX в. не оставила ее традиционных доминант, но это не так. Часть из них сохранилась практически полностью: масштабы территории, климатическая специфика, трудные условия воспроизводства человеческого существования, незащищенность естественными рубежами от посягательств извне, длительность существования, самобытность, оригинальность культуры и традиций, полиэтничность и многоконфессиональность, политическая самостоятельность, державность, своеобразие форм государственного устройства, экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм, мобилизационный тип развития.

Другая часть, прежде всего основанная на христианских заповедях, наполнилась новым содержанием: справедливость – уничтожение эксплуатации человека человеком; всеединство и мессионизм – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; нестяжательство – «каждому по труду»; «Святая Русь» – «Царство Божие на земле» – коммунизм; державность – «Союз нерушимый республик свободных, сплотила навеки Великая Русь»; «Москва – Третий Рим» – Третий Интернационал¹⁷; «За Веру, Царя и Отечество» – «За Родину, за Сталина»; «Самодержавие, православие, народность» – диктатура пролетариата, марксизм-ленинизм, «новая историческая общность – советский народ».

Вышеназванные девизы не просто символы, а реальное воплощение советской практики, выраженное новыми словами, но имеющими прежний социально-политический смысл, что подтверждает сохранение традиционных доминант цивилизации и свидетельствует о рецидивах традиционного общества. Более того, некоторые из этих девизов переключаются с «моральным кодексом строителя коммунизма», где записано: «кто не работает, тот не ест»; «каждый за всех, все за одного»; «человек человеку друг, товарищ и брат»; «непримиримость к несправедливости ... стяжательству»; «дружба и братство всех народов...»; «братская солидарность с трудящимися всех стран...»¹⁸

Следствием глобальной политической трансформации Российской цивилизации в XX в. стало резкое обострение противоречий в обществе, массовые репрессии 30–40-х гг. Строго научно-го толкования их нет. Иного, видимо, и не могло быть в условиях возврата от «социализма» к «капитализму», острейшей идеологической борьбы в этой связи и не заживших ран не столь отдаленного прошлого. В опубликованных источниках варьируют цифры от

43 млн расстрелянных (у А. Солженицына) до 643 тыс. приговоренных к расстрелу с 1921 г. до 1 февраля 1954 г. (в справке Генерального прокурора СССР Р. Руденко и Министра внутренних дел С. Крутлова, представленной на имя Н. Хрущева в феврале 1954 г.)¹⁹. Еще больше разногласий в объяснении причин репрессий – от «кровожадных большевиков» до «злостного характера тов. Сталина». Очевидно, что такое легковесное объяснение не может быть принято с позиций цивилизационного подхода к историческому процессу. Конечно, по выражению А. Тойнби «меч репрессий, отведая крови, не может усидеть в ножнах». Действительно, трудно было остановить костры инквизиции или сожжение около миллиона «ведьм» протестантами во время Реформации, когда все население реформируемой зоны Западной Европы составляло 20 млн человек²⁰. А сколько голов отрубила гильотина во время Великой Французской революции XVIII в.!

Не составила исключения и Русская революция XX в. Ее вместе с гражданской войной обычно ограничивают началом 20-х гг., но она фактически продолжалась до конца прошлого века и неизвестно, завершилась ли в начале нынешнего. Порожденную революцией активную фазу трансформации необходимо соотнести с аналогичным процессом в Атлантической цивилизации, который проходил веком раньше. Разумеется «политическая погода» в мире и нравственные установки теперь другие, но проблемы-то остались теми же.

Отсюда острейшие противоречия в социуме, особенно в его элите по поводу путей и методов решения этих проблем, столкновение традиций и новаций, за которыми с той и другой стороны стояли миллионы людей со своими представлениями о будущем. В самой правящей партии развернулась отчаянная борьба между

троцкистами и сталинистами. Первые ориентировались на «мировую пролетарскую революцию», вторые – на «строительство социализма в одной стране». При этом не стоит забывать об остатках контрреволюционных элементов, враждебном окружении накануне Второй мировой войны и конечно же низком образовательном уровне и слабой политической культуре населения. Все это привело к накоплению в обществе большого «потенциала мести» и способствовало продолжительной эскалации репрессий, нанесших огромный урон народу и авторитету Российской цивилизации.

Очевидно шла борьба не только за социалистические преобразования и их различные толкования, но и за неклассическую скоропалительную советскую модернизацию, которая породила скрытую форму гражданской войны. Крестьянство и частично рабочие (выходцы из села) преследовались тысячами и уничтожались за отстаивание деревенского образа жизни. Интеллигенция, духовенство, часть военнослужащих карались за сопротивление варварским методам модернизации, разрушающей многовековой уклад русской жизни, а представители новой бюрократии – за недостаточное, а иногда и излишнее рвение по осуществлению карательных мер. По существу шла гражданская война всех против всех. Это была кровавая драма столкновения аграрной и индустриальной цивилизаций.

Хотя главную цель политической революции – построение социализма в конечном счете достичь не удалось, тем не менее трансформация в социальной сфере носила первопроходческий и масштабный характер. Принципиально изменилась социальная структура общества. Исчезли господствующие классы. Остались рабочие и служащие, колхозное крестьянство и прослойка интеллигенции. Особое неофициальное место заняли партий-

ная и государственная номенклатура, к концу века — дельцы теневой экономики.

Трудность воспроизводства человеческого капитала, характерная для предшествующих этапов Российской цивилизации, компенсировалась кардинальным усовершенствованием сфер труда и быта, хотя и обходилось очень дорого при слабой эффективности советской экономики и суровых климатических условиях большинства территорий. Однако совместно с другими социальными мероприятиями советской власти это дало значительные результаты. Продолжительность жизни населения в середине века достигла 70 лет, в то время как в его начале составляла 32 года.

Централизация советской власти превзошла все достижения предшествующих веков, достигнув тоталитарного уровня, что обеспечивало функционирование мобилизационной экономики, этническую и идеологическую устойчивость общества. Феноменальный взлет получили инновационные начала модернизации — образование и наука, которые вывели Российскую цивилизацию на мировой уровень. Ее влияние распространилось на треть человечества, в чем отчетливо проявился ее прежний миссионерский характер, который в первые годы Советской власти выразился в попытке развернуть мировую пролетарскую революцию с целью избавления трудящихся от капиталистической эксплуатации. В дальнейшем он вылился в масштабную помощь странам, освободившимся от колониальной зависимости. Если первая попытка не увенчалась успехом, то вторая сыграла огромную роль для молодых развивающихся государств.

Суровые испытания претерпели национальные отношения многочисленных народов, входящих в состав Российской цивилизации, их межэтническая толерантность. Советской властью был

принят на вооружение тактически вынужденный, но стратегически опрометчивый курс на формирование федеративного государства с правом «самоопределения наций вплоть до отделения» от союзного государства. Об опасности такого шага предупреждал еще декабрист П. Пестель. Получив широкую автономию и огромную материальную помощь, союзные республики многократно увеличили масштабы своей экономики и культуры, вырастили крупные отряды национальной интеллигенции, часть которой в условиях ухудшения экономического положения союзного государства и хаоса в нем в последние десятилетия XX в. перешла на позиции национализма и способствовала его крушению.

Для такого поворота событий были объективные и субъективные причины: неравномерность модернизационного перехода в разных республиках, связанная с различиями индустриального, социального и демографического развития, урбанизационных и культурных процессов; окрепшие за годы советской власти националистические элиты; разбогатевшие дельцы теневой экономики на местах; растущее недовольство народа своим положением, особенно сферой услуг, которая находилась преимущественно в руках местной власти; предательство партийных и советских функционеров разного уровня. Ярким проявлением субъективного фактора стали поспешные непродуманные действия в национальных вопросах Президента СССР М. Горбачева, популизм Президента Российской Федерации Б. Ельцина, призывавшего регионы «брать столько суверенитета, сколько они могут проглотить». Необратимый развал державы начался с провозглашения суверенитета Российской Федерации. В последние год существования СССР (конец 1991 г.) в его регионах насчитывалось более 160 территориальных притязаний²¹.

Главный урок решения национальных проблем XX века заключается в том, что при всем их демократизме и популизме необходимо ясно осознавать пределы допустимой самостоятельности национальных районов. При исключительно высокой полиэтничности России (130 этносов) никакое деление по национальному принципу не в состоянии удовлетворить все народы, каждый из которых может претендовать на автономию, а это ведет к обвальной дезинтеграции цивилизации. В результате права этносов входят в противоречие с правами человека, на которых зиждется общество. Преодоление такого положения возможно на путях более тщательного учета исторического опыта державы и последовательного, поэтапного введения новых государственных форм, для того, чтобы избежать фарса, подобного неудачным социалистическим преобразованиям или российского варианта либеральных реформ. Будущее Российской цивилизации, по всей видимости, за крупными культурно-региональными комплексами, которые в силу общности исторических судеб и длительного социально-экономического взаимодействия народов обладают устойчивыми этнодемографическими связями, а социально-экономические институты, общественное сознание, культура труда и быта их населения, имеют сходные черты и составляют единое историко-культурное пространство, которое создает препятствие на пути деструктивных процессов в политической сфере.

Коренные перемены произошли в положении церкви. Она была отделена от государства, подверглась гонению и разорению. На смену веры в бога советская власть настойчиво навязывала веру в светлое будущее – коммунизм. Тем самым была подорвана православная основа Российской цивилизации, хотя фактически в народной толще она оставалась. Численность верующих уменьшилась,

но все-таки была значительной, а самое главное сохранились традиции православной культуры и нравственности. Даже высшее коммунистическое руководство, меняя политические лозунги, в ряде случаев практически не смогло уйти от их прежнего содержания.

В данной связи необходимо обратиться к судьбе в XX в. двух старых формул: «Москва – Третий Рим» и «Самодержавие, православие, народность». На первый взгляд в условиях советской власти они потеряли значение для Российской цивилизации. Однако, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не совсем так. Мессианская идея «Святой Руси», как истинного носителя православия, «Царства Божия» на земле и перспективности России по отношению к Западу прошла через всю русскую историю вплоть до конца XX в. Она явно перекликалась с идеей построения коммунистического общества в России и распространения его на весь мир. Отказ от божественного смысла русской идеи не мешал большевикам подчеркивать, если не богоизбранную, то по крайней мере особую роль России в мире. Отрицая в теории богоизбранность русского царя, коммунистические лидеры на практике так возвысили свою власть, что она сравнялась с царской. Самодержавная триада, как отмечалось выше, тоже наполнилась новым советским самодержавием, хотя слова были совсем иные, но по существу они несли старый смысл. Численность верующих в России XX в. уменьшилась, но все-таки оставалась значительной.

В научных трудах и средствах массовой информации навязчиво звучит тезис о том, что Российская цивилизация в период советской власти свернула со столбовой дороги мирового прогресса. А может быть, наоборот, она намечала путь будущему прогрессу. Стремление к построению социализма и коммунизма в России было не встраиванием в старую систему общественных

отношений, а прецедентом прорыва типа возникновение феодализма или капитализма потому, что социализм является антиподом того и другого. Несмотря на то, что коммунизм как практика преодоления критических ситуаций в обществе известен не одну тысячу лет, попытка его масштабной реализации именно в Российской цивилизации заслуживает внимания, хотя она и не увенчалась успехом в двадцатом столетии.

Существует расхожее мнение, что советский «железный занавес» отгораживал Российскую цивилизацию от Атлантической, тормозил ее прогресс. С одной стороны, в этом есть доля истины, но, с другой стороны, необходимо понимать, что он до поры, до времени охранял ее идентичность, оберегал от пороков Западной цивилизации, прежде всего, от бездуховности, индивидуализма, жажды наживы, порнографии, наркомании и других зол современности.

4. Постсоветская трансформация

В конце XX в. Российскую цивилизацию поразил острейший системный кризис, порожденный, с одной стороны, кризисом советской модели социализма, а, с другой стороны, кризисом глобальной индустриальной цивилизации с ее современными пороками, прежде всего с перепотреблением. Эти причины связаны между собой, поскольку социализм и капитализм являются двумя сторонами одной медали и отражают в наши дни общий кризис индустриализма. В связи с ослаблением системы социализма, ее проигрышем в «холодной войне» Западная цивилизация начала массированное наступление на Российскую. Настал апогей их многовековой борьбы.

Парадоксально, что подрыв основ своей цивилизации начал само ее руководство, поставив задачу «возвращения в наш общий европейский дом». А где мы были тысячу лет, разве не в нашем доме? Зачем нам двигаться туда, где нас никто не ждет? Лучше быть не квартирантами, а добрыми соседями. Лейтмотивом этой борьбы стал антикоммунизм, но и после его падения она не прекратилась, а перешла в новую, более изощренную фазу, которая с пугающей быстротой трансформирует коды Российской цивилизации не в лучшую сторону. Произошла смена политического и государственного строя, национального устройства, социально-экономической системы, управленческой элиты, образа жизни, идеологии и культуры, ценностных ориентиров, морали, нравственности. Традиционные общинные ценности трансформируются в индивидуалистические. Сократились территории и население, утрачены союзники, а некоторые из них стали наиболее агрессивными противниками. Уничтожаются не только советские завоевания, но и принципы жизнеустройства Российской цивилизации, на которых она держалась сотни лет.

Потеряны наиболее благоприятные по природным условиям территории, цивилизация еще дальше «сдвинулась» на север. Районы крайнего севера и приравненные к ним местности ныне составляют 62% ее общей площади. Там продолжительность отопительного периода достигает 350 дней в году, затраты на завоз товаров приближаются к 100% от их стоимости. Говорить о гигантских расходах на транспорт уже не приходится. В такой ситуации трудно ожидать роста эффективности экономики в рыночных условиях. За годы перестройки и либеральных реформ утеряна половина промышленного потенциала цивилизации. Дegradiрует не только культура, но даже «великий и могучий»

русский язык, который засоряется далеко не всегда нужными иностранными словами и низкопробным жаргоном.

Неудержимо возрастает разрыв между богатыми и бедными. В то время как в Советском Союзе на рубеже 1970–1980 гг. децильный коэффициент был 3:1, сегодня он официально равен 15:1, а в реальности – в два раза больше²². Правящая элита, как и в начале XX в., далеко оторвалась от народа, хотя является, в отличие от имперской, недавним выходцем из него. Ее интересы сфокусированы на перепотреблении природных богатств Отечества и вывоза полученных прибылей за рубеж, что ставит и без того ослабленную экономику цивилизации в катастрофическое положение.

Конечно, Российская цивилизация нуждалась в обретении современных реалий, но для этого не стоило менять ее на заморский образец. Ведь она не раз сама справлялась с вызовами времени. Да и опыт трансформации других цивилизаций, таких как Китайская, Индийская, Японская свидетельствуют о том же. Антикоммунистическая революция в СССР на рубеже 80–90-х гг. с одной стороны, была кульминацией противостояния между сторонниками и противниками социалистического переустройства общества внутри страны, а, с другой стороны, результатом внешнего воздействия «холодной войны». В ходе либеральных реформ, последовавших за ней, разрушалась советская система, которая несла остатки кодов Российской цивилизации. Новая система, ее «цивилизационный плюрализм», представляющие собой гибрид советского, постсоветского, а также западного, ведет к мутации тысячелетней цивилизации.

Попытки противостояния этой мутации со стороны вновь набирающей авторитет православной церкви пока дают недостаточные результаты, хотя ее постулаты направлены против

развращающих тенденций современной Западной цивилизации. По мнению российского философа православной ориентации А.С. Панарина «Постсоветская Россия сбросила с себя гири раздутого военно-промышленного комплекса, и дорогостоящие обязательства в качестве военно-политического лидера и кредитора стран «некапиталистического пути развития», и роль донора бывших союзных республик. И что же? Вместо ожидаемого облегчения жизни произошло невиданное ее утяжеление и помрачение – стремительное скольжение на дно»²³. Повторился старый русский парадокс: «Сказанное вчера считалось дурным завтра и создавалось сегодня то, что было уничтожено вчера».

Заключение

Российская цивилизация особенная. В ней не было в классическом понимании ни рабовладения, ни феодализма, ни капитализма, родился, но не завершился социализм. Она не знала инквизиции, преследования иноверных, гонения на еретиков, религиозных войн. Эта цивилизация стала непреодолимым препятствием на пути к мировому господству для Чингисхана и Тамерлана, Наполеона и Гитлера, первая преодолела земное притяжение и вышла в космос, но часто не могла обеспечить достойное существование своих граждан. Практически во все исторические эпохи для Российской цивилизации характерна высокая степень концентрации власти: великий князь, царь, император, генеральный секретарь, президент. Авторитаризация власти была историческим ответом русского народа на многочисленные вызовы истории.

Несмотря на гигантские катаклизмы XX в., Российская цивилизация сохранила многие коды. По-прежнему остаются огром-

ные размеры территории, хотя они и претерпели некоторое уменьшение после Первой мировой войны и значительное их возвращение после Второй мировой войны. В 90-е гг. в ходе распада СССР из него вышли 14 союзных республик, что заметно сократило территорию цивилизации, но она до сих пор остается одной из самых крупных в мире. Вследствие потери южных территорий увеличился удельный вес регионов, тяготеющих к Северу, сократились возможности выхода к морю. Осталась незащищенность естественными рубежами от посягательств извне, тем более, что значительная протяженность границ после выхода союзных республик оказалась менее охраняемой. Усиление военной мощи, особенно после создания ракетно-ядерного щита, сделало цивилизацию менее уязвимой, но не вполне гарантированной от нападения в условиях современного международного положения.

Сохранились политическая самостоятельность и жесткость вертикали власти, хотя они подвергаются эрозии под воздействием либерализма и глобализма. Своеобразие форм государственного и социального развития, полиэтничность и многоконфессиональность, самобытность и оригинальность культуры остаются, хотя толерантность отношений между этносами и конфессиями после распада СССР поколебалась, а культура подверглась разрушительному воздействию со стороны Запада.

Принципиальному изменению и деградации подвергся изначально земледельческий характер экономики. Она стала преимущественно индустриальной и зависимой от зарубежных поставок продовольствия. Трудные условия воспроизводства человеческого существования по причине суровости климата на большой территории цивилизации, частой сменой форм собственности, многочисленных финансовых потрясений и отставания техни-

ческого прогресса сохранились, но заметно уменьшились по сравнению с предшествующими веками. Не удалось добиться социальной справедливости. Цивилизация не ушла от мобилизационного типа прогресса. К началу XXI в. потеряла экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм.

Сложные, трудные метаморфозы произошли с христианством и православием как консолидирующей основой цивилизации. В начале XX в. церковь была отделена от государства и подверглась суровому преследованию, потеряла возможность легально влиять на общество и власть, но религиозность народа не была утрачена, он сохранил свою веру, которая восстановлена в правах после падения коммунистического режима и способствует сохранению цивилизации.

А что с мессианизмом? Много веков он проявлялся в несении Святой веры не только народом России, но и зарубежья. После революции его суть была подменена коммунистическим идеалом, который овладел почти третью человечества, но потерял свою привлекательность с крахом Советского Союза. Теперь будущее Российской цивилизации в современном мире трудно предсказуемо. Похоже, что на пушкинский вопрос: «Куда ж нам плыть?» – нет ответа до сих пор.

Примечания

- ¹ Флиер А. Цивилизация и субцивилизация России // *Общественные науки и современность*. 1993. № 6. С. 70–83; Суворов Д.В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России. Автореф. дисс. на соис. уч. степ. канд. культурологи. Екатеринбург, 2006. С. 8.
- ² Гликлич-Золотарева. Государственно-территориальное устройство России: прошлое и настоящее // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2009. № 4. Т. 2. С. 70–73.
- ³ Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировой модернизации. М., 1998. С. 38.
- ⁴ Kaban A. The Costs of “Westernization in Russia: The Century and the Economy in the Eighteenth Century // *Slavic Review*. Vol. XXV. N 1. 1966. P. 46.
- ⁵ Восстание декабристов. Документы. М.; Л., 1958. Т. 7. С. 9–75.
- ⁶ Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М., 2007. С. 456–457.
- ⁷ Красильщиков В.А. Указ. Соч. С. 40.
- ⁸ Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб, 2009. С. 452.
- ⁹ Там же. С. 463.
- ¹⁰ История советского рабочего класса. М., 1987. Т. 2. С. 199, 426–427.
- ¹¹ Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М., 2008. С. 273.
- ¹² Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 167.
- ¹³ Вишневский А. Серп и молот. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 51.
- ¹⁴ Народное хозяйство СССР в 1960 году. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 653.
- ¹⁵ Красильщиков В.А. Указ. Соч. С. 179.

¹⁶ Кузык Б.Н. Указ. Соч. С. 273.

¹⁷ Коммунистический Интернационал (Коминтерн) «борется за установление мировой диктатуры пролетариата» (БСЭ, 1938. Т. 31. С. 715).

¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1972. С. 288.

¹⁹ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. Первая. М., 2002. С. 506–507.

²⁰ Там же. С. 510.

²¹ См.: Петров Н.В. Что такое полиэтнизм? // Полис. 1993. №6. С. 8.

²² Будущие угрозы человечеству и России. Материалы постоянно действующего научного семинара «Россия в историческом и мировом пространстве». М., 2009. С. 104.

²³ Панафин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 263.